

ВИКТОР САВИЧ

Филологический факультет Белградского университета
Институт сербского языка САНУ, Белград

**ЗВУКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАДСТРОЧНЫХ ЗНАКОВ
В СВЯТОСТЕФАНСКОМ ХРИСОВУЛЕ
(1317–1318)***

1. Святостефанский хрисовул представляет собой композитный акт в форме книги, включающей три жалованные грамоты монастырю Св. Стефана в обл. Баньска на севере современных Косово и Метохии. Официальная копия была выполнена дворцовым писарем после составления трех оригиналов (1317–1318). Главным актом является дарственная грамота короля Милутина монастырю, где предусматривалось захоронение короля, с двумя подтверждениями. Грамота была найдена в султанской ризнице в Стамбуле, где она находится по сей день (Топкапи-сарай, G. I. 70). Недавно было установлено, что писцом Святостефанского хрисовула несколько ранее был написан и оригинальный Хрусийский хрисовул (1313–1315/1316), хранящийся в архиве монастыря Хиландар под номером 139/141 — свиток № 3 (Савић 2017; ср. Турилов 2014: 77, 92). Материал этого хрисовула послужит нам в качестве вспомогательного корпуса для исследования. Святостефанский хрисовул представляет собой один из важнейших сербских актов, известный в науке в качестве богатейшего источника для исследований языка, истории, культуры и этноса сербского средневекового государства¹.

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Исследование древнего сербского письменного наследия и подготовка Словаря церковнославянского языка сербской редакции» (Министерство просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия, № 178030).

¹ Факсимильное издание и оба ранних издания текста с детальным анализом данного хрисовула см. в (Трифунувић 2011a I–II). Также о систематическом изучении ономастики с кратким обзором языковых черт памятника

2. Для обеих грамот данного писаря характерна развитая система надстрочных знаков, удобная для исследования благодаря объему и лексическому богатству корпуса. Это прежде всего просодические знаки: знаки придыхания, или спиритусы (греч. πνεύματα), и врахия (греч. βραχέϊα). В числе данных знаков нет традиционных ударений, а один знак – кремасти (греч. κρεμαστή) – происходит из экфонетической нотации. Тем не менее, следует учесть, что указанная система была применена не совершенным образом, не полностью последовательно, что является обычным явлением в мире средневековой письменности².

Система надстрочных знаков			
просодическая нотация		экфонетическая нотация	
придыхание	метрика		
·	,	˘	✓

3. Йозеф Корженёвски (*Jozef Korzeniowski*), который нашел хрисовул и сделал копию рукописи для Сербской королевской академии по просьбе и благодаря усилиям Стояна Новаковича (1889)³, не уделял особого внимания виду букв и надстрочных знаков. Тем не менее, он последовательно перерисовал их позиции и основные контуры при помощи прозрачной бумаги; у него закрались некоторые ошибки в передаче надстрочных знаков, однако в передаче наиболее выделяющегося знака, кремасти, он строго придерживался оригинала (Савић 2011: 168–171). Первые издатели Святостефанского хрисовула, Ватрослав Ягич и Любомир Ковачевич (1890), отметили богатство надстрочных знаков и наличие особого полукруглого знака, привязанного к долгим слогам (см. 6.). Однако они не поняли его главного

см. (Лома 2013); несколько новых наблюдений о появлении и дальнейшей судьбе памятника см. в (Бубало 2011: 19–27).

² Ошибки средневековых писцов в постановке грамматического и литературного ударения — явление обычное (Трифунувић 1979: 63–64).

³ Сегодня в Архиве САНИ, № 495.

интонационного значения и не были уверены, что речь идет об особом знаке. Оба исследователя толковали его как вариант знака придыхания, графически изображая его как врахию («кратка»). Любомир Ковачевич в своем введении говорил только о наличии спиритусов и точки (а она понималась им как вариант псили (греч. ψιλῆ)), однако он не передал их при издании, что соответствовало общепринятой сербской издательской практике (см. Трифуновић 2011a I: 15, 17–27). Ватрослав Ягич передал все подтверждения надстрочных знаков, упрощая при этом их типографический инвентарь — надстрочные знаки он свел к двум лежащим спиритусам (см. Трифуновић 2011a I: 57–103)⁴. Тем не менее, он отдельно остановился на значении данных знаков в своем подробном обзоре двух изданий, опубликованном в «Архиве славянской филологии» (Jagić 1891: 253–272).

4. 1. Использование экфонетической нотации не было распространено в ранней славянской письменности. Двумя самыми известными примерами являются древние Новгородские (Куприяновские) листки и Остромирово евангелие. Владимир Алексеевич Мошин на основании палеографического, орфографического, языкового и текстологического анализа установил, что Новгородские листки были созданы во второй половине X в. на южнославянской территории. Впоследствии они были использованы в качестве образца для написания особо торжественного Остромирова евангелия (1056/1057). Тогда в определенной степени были переданы и экфонетические знаки (Мошин 1983: 13–14, 28–42, 45–56)⁵. Вопросом экфонетической нотации в связи с происхождением сербских надстрочных знаков много занимался Вячеслав Михайлович Загребин. Он пришел к выводу, что надстрочные знаки второго периода, так наз. «квантиноты» (конец XIII – середина XIV вв.), происходят из экфонетической нотации,

---

⁴ Ватрославу Ягичу помогал в работе Антоний Ходинка, венгерский славист русинского происхождения, который занимался прочтением и расшифровкой источника; позже Ягич отредактировал документ и подготовил его к печати (см. во введении: Трифуновић 2011a I: 54; также Трифуновић 2011a I: 132).

⁵ При изучении их экфонетической картины В. А. Мошин исходит из наблюдения Д. Стефановича об экфонетической нотации в древних славянских рукописях (Стефановић 1970: 343–345, иллюстр. 4–5).

однако они непосредственно взяты из невменной нотации, применявшейся в рукописях гимнографического содержания⁶.

4. 2. В числе экфонетических знаков в праздничных литургических книгах с конца XIII в. отмечается также «теля» (Савић 2009: 168–169, Трифуновић 2011б: 305–306). Наличие древней ритмической нотации соответствует отмеченной ранее ориентированности позднего рашского правописания на старославянские кириллические образцы⁷. Тогда же была стабилизирована произносительная норма путем дополнительного исключения результатов позднейших старославянских вокализаций⁸. Все это доказывает наличие живого контакта сербских скрипториев времени короля Милутина со старославянскими и древнейшими сербскими образцами, появившимися на рубеже X–XI вв., до византийского обновления во время правления Василия II.

---

⁶ Он пришел к выводу, что надстрочные знаки первого периода (XII–XIII вв.) опираются на более раннюю славянскую глаголическую письменность, а надстрочные знаки третьего периода (середина XIV–XVI вв.) взяты из греческой просодической системы (Загребин 2006: 92–100).

⁷ Данное влияние отражается прежде всего на распределении преитогриванных вокальных графем. Во второй половине XIII в. постепенно будет завершаться трансформация кириллической орфографии в государстве Неманичей (но не в других сербских землях). Это подразумевает системное обращение к ранее реализованным кириллическим моделям, засвидетельствованным, например, в надписи Мостича и в Остромировом евангелии (Пешикан 1985: 48). Очевидно, что без непосредственного ознакомления с древними рукописями принятие этимологического правописания было бы невозможно. Различие состоит в инвентаре, поскольку в сербской редакции нет «юсов», а «еры» сведены к общему «ерь». Данный процесс закончится в эпоху государственной и культурной зрелости Рашки, в эпоху сыновей короля Уроша I (конец XIII и начало XIV вв.), прежде всего короля Милутина (1282–1321) (Пешикан 1985: 47, примечание 7; см. обо всем: Пешикан 1973: 70–72, 82–83).

⁸ Согласование нормы с древними памятниками коррелирует и со штокавским, сербским речевым ощущением. Тем не менее, в сербской редакции сохраняются некоторые лексикализованные следы (наподобие *црьковъ* и *правѣднь*), оставшиеся от образцов, принесенных из славянских духовных центров на юге Византии (Савић 2016: 251–252; Савич 2017: 234–235).

5. Оба знака придыхания, как и обычно, ставятся над гласными графемами, однако имеют различную позиционную обусловленность.

5. 1. Дасия (греч. *δασεία*) привязана к началу слова, например, оу о | скекю печь 43v 6–7⁹, соответственно она не может стоять над буквами ь и ы, а также над ѣ и є, которым в сербской орфографии того времени отвечают прејотированные варианты (как исключение, мы наблюдаем є в грецизмах, например: ѣклѣ^ѣр^ѣха р. 46–47)¹⁰. По той же причине дасии нет и над буквами о и у, которые не стоят в начале слова, или над очень редкими буквами і и ѡ, привязанными к концу строки. Это означает, что данный спиритус появляется над инициальными а, н, оу, лигатурными ѡа, ѡю, ѡю, которые сами по себе редки в данной позиции, и практически без исключений над ѡ (начало слова и слога), кроме случаев, когда ѡ пишется в конце слова, а также данный знак ставится после гласной графемы, выражая экспрессивную функцию (например, для передачи долготы или ударения: орѣ^о | хово^о 15r.10–11):

[а-] анѣгльскаа 5r 8, а (мегѣ ѣмь) 44r 8; [и-] и ихъ | дѣти 49r 3–4; [оу-] оукопань 42r 2, оу ѡмийноу 43r 9, оу роу^{оу} 43v 5; [ѡа-] (оу) ѡакимово 19r 5, (оу) ѡакиовицоу 32r 2; [ѡю-] ѡединь 5r 2, ѡашевѣйкь 48v 9; [(-)ѡ-] ѡблѣи 42v 10, ѡво^ѡмь 53v 9, ѡбра^ѡтнѡмь 72r 11–12.

Весьма редким графическим вариантом омеги является «окато он», диакритически отмечаемый так же (например, ѡсѣи^ѡный 11r 11). Отмеченное употребление дасии над омегой может встречаться неожиданным образом (симѡи 12r 10), как и аналогичное употребление над «и восьмеричным» после гласной, где подразумевается наличие *-j(-)* (при чтении *-aj(u)-*, *-ej(u)-*, *-oj(u)-*):

[а-н-] оу крайнѣ. 29v 4, и ѡкрайци 44v 11, оаико 64r 3; край^ѡмирь 69v 5; [-ен(-)] любѣи 7r 1–2; дѣло 59r 5; [-он(-)] доѣи^ѡнь 9r 10, доѣи^ѡнь 9v 9, мойхъ 9v 12, съ своймѣи 25r 10, строиша 63r 6–7, вои^ѡнства 5r 9–10, съ своймѣи 44v 5, кои 54r 2–3; вои^ѡтѣ^ѡхоу 48v 5–6.

⁹ Все примеры, в которых указывается фолиация, поскольку речь идет о книге, принадлежат Святостефанскому хрисовулу (Топкапи-сарай, G. I. 70).

¹⁰ Примеры без указания фолиации, только с обозначениями строк, принадлежат Хрусийскому свитку (Хиландар, № 139/141, свиток № 3).

Кроме обычного, нейтрального вида, данный спиритус, в зависимости от движения пера писца, появляется в лежащих и в некоторой степени вытянутых вариантах, приобретая иногда вид и функции крестности¹¹.

5. 2. С другой стороны, псили используется во внутренних слогах и окончаниях слов, но в поствокальной позиции, поэтому обычно она стоит над двойными буквами — над вторым компонентом (оу, ы, ю, я, ю) — разумеется, вне начала слова:

[-оу(-)] по^ибн^ива^хо^у 7v 11, ѿ^имо^уже 11г 2; [-ы(-)] трапез^ы 11г 2, прѣ^ыб^ыла 48г 11; [-ю(-)] по^ибн^ива^ющихъ 9v 3, о^у вели^ю 29г 1; [-я(-)] в^льч^ни^я 14v 12, сто^янн^иѿ 51г 8; [-ю(-)] стра^шно^юѿ 5v 1–2, на ко^юѿ 41v 1.

Знак ставится над вторым а, которое обычно появляется в геминании (сла^адь 51г 8, да йма^а 81v 12), а иногда его пишут над обеими буквами (на с^авѣ 44v 3). При двойной букве и (или ын) происходит нагромождение знаков, просматривается тенденция писать их над обеими графемами:

въ ѿ^тѣ^тств^ии 12г 1, не нао^уч^ии 55v 5; ѿ^бл^ыи 42v 10.

С другими гласными появление данного знака можно ожидать только в абсолютном конце слова, прежде всего для выражения звуковых значений *-oj*, а также *-oji*, *-eji*:

[-он] доб^рово^и 71г 5, въ сръ^ѣ||ско^и (земл^и) 87v–88г, снѣ тво^и 6v 4; о^у по^уть ко^и 31v 12; [-ен] въ нике^и 82г 7.

В случае двух последних значений особенно часто наблюдаются различные отступления (см. 5. 1.), которых больше в Хрусийском свитке, чем в Святостефанском хрисовуле. Этот знак не появляется над внутренним и последним о, ѣ, а также над высоко надстроеным ъ, в то же время над и и ь он наблюдается крайне редко:

о^у вели^и (ръть) 18v 1; ко^и | ... лаз^ѣ. | 76г 4–5.

5. 3. Для данного писца характерно использование псили в качестве маркера палатальности. Это проявляется там, где нет прејотации.

¹¹ Мы приводим примеры на основании функции, а не различий вида. О взаимной интерференции двух данных знаков см. 6. 1. 1. и 6. 2. 1.

В Святостефанском хрисуле псили может сопровождать все палатальные согласные без ограничений; знак последовательно ставится над гласными в направлении письма (иногда только над ними в качестве замены *йота*):

въздѣблѣнѣнь 7г 2, землѣ 12г 4–5, ѿрѣховоѡ 15г 10–11, ѿ грѣблѣ 16г 11, по^а звѣчанѣмѣ 21г 5–6, моузакиѣвѣхъ 21v 9, дьбрѣвѣщицоу 21v–22г, мегѣмн 25г 10–11, коукише 31v 9, врасконѣ 32г 1, драгорагѣ потокъ 33г 4, боудимлѣскога 37г 5, драгоманѣ лазъ 38г 9, жоупаню 40г 3, на боутолю 41г 2, годилѣ 41г 5, говедарѣва 43г 7, радовнигѣ 43г 11, оу мѣлѣ 43v 6, боудимлѣмъ 47г 2–3, мегю 47г 5, сръгѣ 48г 3–4, по нѣхъ 49г 4, стѣпковникю 49г 6–7, с калогѣромъ 52г 1–2, кѣлатори 53г 5, сокалннички 54г 2, конѣхъ 54г 4, метохнѣ 57г 5, седларнѣ 57г 8, диннарѣ 57v 8–9, конюхомъ 58v 4–5, да се плакѣ 58v 7, владимиркѣ 59v–60г, кѣрнлова 60v 8–9, поповки 60v 10, лѣуликѣ 60v 10–11, любоѣвникѣ 61г 8, моузакиѣ 61v 3, вѣдрарѣвникѣ 64г 1, вожикиѣ 64г 3, с шоуриамн 65г 3–4, колѣславъ 65v 1–2, боудиславникѣ 67v 5–6, вѣльгоунѣ 68v 11, прѣдникюрь 69г 1–2, братоновикѣ 69v 6–7, доудетикѣ 69v 10, слагайюкѣ 74v 2, землѣ 86v 6–7, крали 91г 1, землѣ 94г 6.

Писец особенно заботится о применении данного орфографического стиля, поэтому иногда здесь наблюдается сосредоточение надстрочных знаков:

ѿ ... грѣблѣ 20г 2.

Система, безусловно, не является совершенной, так что существуют и примеры случайных пропусков:

мегомъ 47г 5–6, воломъ 53v 10, зориткиѣ 63v 11, драгановикѣ 69v 9.

Вышеуказанное стремление к удвоению псили над каждым двойным и обуславливает то, что мы не можем знать, хотел ли писец в каких-то примерах особо подчеркнуть палатальное прочтение или нет:

славославлѣннѣ 5v 1, оу приморнѣ 15г 8–9, оу || подорнѣ 47v–48г (в любом случае читается: *славословѣнѣи, у приморѣи, у подорнѣи*).

В примере владимиркѣ 62v 5, по нашему мнению, преимущество отдается отмечанию мягкости *p'* по сравнению с конечным -кѣ, которое

типично для рашской школы (при чтении: *Велимир'ић*). В большинстве случаев писец ограничивался традиционным написанием орфографического «ер» (преимущественно в номинативе и аккузативе ед. ч. м. р.) в качестве разделителя слов, при подразумеваемом палатальном произношении, без необходимости дополнительного выделения общеизвестных случаев:

гд̑арь 51г 2–3, монастырь 52г 7, гю̑ръ 65v 8.

В Хрусийском хрисуване псили в данной функции используется факультативно, что свидетельствует о несколько более ранней его датировке по сравнению со Святостефанским хрисуваном. Это соответствует исторической реконструкции времени написания первого и второго документов (общий разрыв от двух до пяти лет). Безусловно, и здесь имеются соответствующие примеры:

ѿ монастырьа р. 35, хрисовоу̑ли р. 39, с н̑ици р. 47, к̑урь р. 53, к̑и̑ р. 52.

Привлекательной представляется возможность считать, что в указанном использовании псили сохраняется непрерывность традиции со старославянским знаком для обозначения палатализации (̑). Доказательств для этого пока нет, однако в пользу такого мнения говорит распределение псили и сделанное ранее замечание о том, что сербская книга ориентировалась на древние образцы. В. М. Загребин отметил похожее явление в двух сербских рукописях XIII в., в которых палатальность л и н маркировалась двумя точками¹². Ольга Неделькович обнаружила похожее явление в одном более позднем памятнике, датируемым 80-ми годами XIV в.¹³ Нам известен один памятник старославянской эпохи, который связывают с сербской этнической территорией, содержащий данный знак в сочетании с буквой л (иракль р. 5)¹⁴. Это Темничская надпись, найденная на сербской

¹² Это Матичин апостол и Гильфердингово евангелие № 65 (Загребин 2006: 31–32).

¹³ Это Грачаницкое евангелие № 2 (Неделькович 1967: 124).

¹⁴ Так же, как и мы, знак идентифицируют В. А. Мошин (Мошин 1966: 40) и В. М. Загребин (Загребин 2006: 32).

Великой Мораве, выполненная до конца первой половины XI в., а возможно, и раньше¹⁵.

6. Экфонетический знак кремасти (ˇ) имеет собственное распределение, он свободно перемещается над гласными во всех частях слова¹⁶. Ранее было установлено, что его основное значение состоит в обозначении долготы, независимо от места ударения (Загребин 2006: 33, 35, 77–79, 82; ср. Nedeljković 1964: 47–48). Знак был идентифицирован только на основании физического совпадения с соответствующим экфонетическим символом, что оставляло открытым вопрос о его происхождении (Савић 2001: 91). Было заключено, что средневековые писцы были не в состоянии различать сложные интонационные отношения в сербском языке, так как при помощи одних и тех же надстрочных знаков они отмечали различные ударения. Все-таки признается, что они были способны различать долгие и краткие слоги (Загребин 2006: 79–80).

6. 1. В работе с данными двумя хрисовулами мы установили, что «заимствование» было осуществлено графически и мелодически.

6. 1. 1. С одной стороны, перенос стал возможным благодаря морфологической близости с лежащей, нестрого писавшейся дасией, типичной для некоторых рукописей данного периода¹⁷. Имеется много примеров смешения и совпадения этих двух знаков в обоих хрисовулах:

[ˇ → ˇ] оѣ кроуш||коу 34v–35г – оѣ || рѣкоу 30v–31г, съ своѣ||ми 33v 7–8 – моѣ||ми 6г 11–12, къ ѡѣѡу 9г 7 – на ѡ||ноу 32г–32v; [ˇ → ˇ] гра||дѣноу 25v 3–4 – меж||оу рѡѣ||ща 22г 9–10, лаз|| 26г 11–12 – ѡ роѣ||дникѣ 25v 7, съ ѡнѣ 22г 3 – ѡ тѣ 41г 12, на дроу||гѡ село р. 41 – на ѣме монастырѣ||скоу р. 55.

6. 1. 2. С другой стороны, «заимствованию» способствовало специфическое экфонетическое значение кремасти в целом, не только в

¹⁵ Первое описание см. (Стојановић 1913).

¹⁶ Ср. (Загребин 2006: 74–75). Об узнавании данного знака см. (Загребин 2006: 28, 32–38, 93–94; Савић 2001: 90–91; Загребин 1995: 470–471, 474; Загребин 1983: 69–75).

¹⁷ О наличии лежащей дасии см. (Загребин 2006: 87).

одной ее части (наиболее выделяющийся компонент иктуса). Следует иметь в виду, что в старосербском языке сохранялось музыкальное ударение. Поэтому невозможно толкование нотации исключительно по динамическим параметрам. Только благодаря новейшим результатам диалектологических исследований в области акцентологии в говорах центральной Сербии, проецируемым на средневековый период (см. б. 1. 2. 2. 1.), стало возможным установление реальной основы системы ударений.

б. 1. 2. 1. В музыковедческом описании утверждается, что кремасти «обозначает повышение голоса с известной акцентуацией» (Стефановић 1970: 341). Если мы проанализируем использование этого знака в древних рукописях, мы увидим, что им разграничиваются речитативные микрофрагменты. Поэтому он мог сопровождаться ипокрисисом (греч. ὑπόκρισις) как обозначением конца целого, т. е. паузы (ср. Стефановић 1970: 342, 344). Как установить его акцентологическое значение в просодическом ряде, вне оригинального контекста? В первую очередь следует предположить, что данный знак обозначает восходящую интонацию в случае, если находится в позиции лексического ударения. После анализа всего корпуса мы установили, что данный знак, как правило, связан с наиболее выразительными слогами, на которых сосредоточена просодическая маркировка¹⁸. Отметание избранных выделяющихся слогов в языковом ряде указывает на особенности голосового воспроизведения текста: осуществляется необходимый контраст и вносится живость в рассказ. Знаковая система не является демонстрацией учености писца или не имеет чисто декоративной функции, а служит той же цели, что и в евангельских текстах. В Четвроевангелии короля Милутина (1316), которое, по-видимому, написано главным писцом Святостефанского хрисовула¹⁹, использованы те же надстрочные знаки, и знак кремасти — весьма часто (однако наличествуют и удвоенные точки, неизвестные последнему памятнику). Выделение некоторых мест влияет на ритм и указывает на повышение тона при чтении вслух, что соответствует

---

¹⁸ В основном нет его удвоения над отдельными словами (исключение: да ... гра̑дѣ 50v 12, с двумя выражено долгоми слогами).

¹⁹ По предположению А. А. Турилова (Турилов 2010: 199–201).

торжественности содержания хрисовула. Мы предполагаем, что такие хрисовулы зачитывались публично (ср. 6. 2.)²⁰.

6. 1. 2. 2. В значительном числе примеров мы заметили использование данного знака в позициях, типичных для одного ударения, известного в сербско-хорватской диалектологии (например, *cr̃kva*, *kl̃etva*, *l̃ada*, *str̃aža*, *s̃uša* и т. д. (Ivšić 1913 II: 18)) и реконструированного в палеославистике. Это долгое метатоническое ударение — неоакут (˘), некогда более известное как «метатонический акут», получаемый древним переходом ударения на предшествующий долгий слог (Ivšić 1911: 136–137, 182–184; модель *āla* < *ālā*).

6. 1. 2. 2. 1. Известный сербский лингвист Александр Белич более ста лет тому назад проводил диалектологическую экспедицию в области Крушевацкая (или Александровацкая) Жупа и Расина на юге центральной Сербии (1907). В этой местности было замечено необычное, «весьма распространенное долгое ударение», отличающееся от долгого восходящего: «его тон вначале поднимается, как у долгого восходящего, а в конце снижается», что «очень похоже на чакавский акут» (Московьевич 1960: 83). Однако впоследствии десятилетиями никто не решался это новое ударение действительно отождествить с так наз. чакавским акутом. В своей периодизации сербско-хорватского языка Белич в конце своей жизни заключил, что тонические оппозиции в юго-восточном штокавском исчезли в VII–VIII вв. (˘ > ˘), сразу после переселения народов на Балканский полуостров, что означало бы, что исходная база для средневекового и дальнейшего развития штокавской акцентологической системы на востоке, среди будущих православных сербов, включала два нисходящих ударения (Белич 1958, 6–7)²¹. Эту теорию продолжили развивать исследователи сербских

²⁰ К тому же выводу другим путем пришел профессор Дж. Трифунович, заметив непосредственное обращение архиепископа Никодима, «издателя» актов, к слушателям в подтверждении дарственной короля Милутина в рамках Святостефанского хрисовула: *Паче же прѣжѣ всего боуди вадь слышешинидь* известно се 91г 4–7, и короля Стефана Уроша III во II Дечанском хрисовуле — да тѣмь оубо слышавше боголюбивага чѣда хрстианьские вѣры fol. 68 (Трифунович 2011а II: 139).

²¹ Ср. несколько более свободную трактовку в записях университетских лекций А. Белича (Белич 1999: 139, 141).

средневековых ударений. Много лет спустя Павле Ивич доказал фонологическую специфику долгого неоакута, причем в том же регионе. Это наиболее характерные говоры косовско-ресавского диалекта, который является наследником говора средневековой Рашки (1994)²². Позже были замечены и другие важные подтверждения на территории центральной Сербии²³. Это означает, что и на штокавском востоке исходная основа состояла из системы трех ударений: $\acute{\text{~}}$, ~ , $\tilde{\text{~}}$ (ср. о чакавском: Белић 1999: 139–140)²⁴.

6. 1. 2. 2. В диалектологических описаниях и экспериментальных лабораторных исследованиях акут описывался по-разному, прежде всего как долгое ударение, отличное от долгого нисходящего ($\grave{\text{~}}$) и долгого восходящего ($\acute{\text{~}}$). Его тон восходящий или ровный или даже слегка нисходящий, что иногда приводит к факультативному, а в некоторых случаях постоянному смещению его с другими долгими ударениями²⁵. Его произношение неодинаково во всех диалектах²⁶.

²² П. Ивич анализировал «область в подножии Копаоника», «охватывающую центральную часть косовско-ресавского диалекта, где не было влияния других языков и где влияния других сербских диалектов соответственно ощущаются менее всего. Здесь косовско-ресавский диалект наиболее чистый и типичный» (Ивић 1994: 245–246).

²³ Этот акут экспериментальным путем установлен и на примере слов *девѡјка* и *спашѡва* (Петровић, Гудурић 2008: 421–428). В ряде работ указывается на наличие данного ударения и расширяется ареал его распространения (Драгин 2015: 64–68; Радић 2010: 43–54; Петровић 2010: 397–401; Петровић, Гудурић 2008: 419–421; Radoičić 1996: 32–52); ср. ранее, до признания фонологического статуса этой прозодемы: (Радић 1990: 9–11; Remetić 1981: 570; Јовић 1968: 27–29; Московљевић 1960: 81–83).

²⁴ Система могла быть и несколько более сложной (см. 6. 5.).

²⁵ Здесь лежит причина его исчезновения на большой территории штокавского диалекта, позднее отмеченное в диалектологических описаниях (утрачен в центре новоштокавских говоров, а также в районах, говоры которых формировались под влиянием миграций из указанной области после турецкого захвата этих балканских территорий).

²⁶ Об этом также свидетельствуют различные описания, которые приводят П. Ивич, а также Д. Петровић и С. Гудурић (указ. соч.). В большом числе примеров, записанных у различных информантов в деревнях в подножии

Основной характер долгого неоакута отвечает ритмическо-интонационному значению кремасти. В целом, из всех слогов в речевом ряде, как ударных, так и безударных, самыми экспрессивными являются слоги под акутом, поскольку в них выразительнее всего собираются все три просодических элемента: долгота, интонация, сила (ср. Колесов 1976: 29). Поэтому логичной является привязка кремасти именно к акутно интонированным слогам. Наконец, дополнительным аргументом в пользу того, что речь идет именно об этом ударении, для нас послужил один односложный пример из Хрусийского свитка, написанный с отмеченным слогом, который разбит на две моры, причем вторая находится над этим экфонетическим знаком²⁷:

крайль = крайль

Это не позиция для долгого восходящего ударения (слово односложное), так как здесь нет заударных слогов, на которые бы перешла тоническая каденция длительностью по крайней мере в одну мору, что характерно для данного штокавского ударения. Праславянский неоакут в диалектологических и исторических обзорах весьма часто иллюстрируется именно этим примером (*крайль* < *kōrļь < *korļь, например, Ivšić 1911: 183), известным из чакавских и наиболее ранних штокавских говоров, сохранивших политонию.

Копаяника, П. Ивич отмечает восходящий или ровный тон ударного слога с нисходящей интонацией заударного слога, в отличие от картины при долгом восходящем ударении, при этом П. Ивич указывает, что «слуховое впечатление [...] варьируется», сближая интонацию «то с одним, то с другим «соседом» в системе» (т. е. с долгим нисходящим или с долгим восходящим ударением), а также что существуют случаи, в которых «трудно услышать различие» между ними (Ивић 1994: 245, 241, 243; ср. Радић 2010: 44, 49; Радић 1990: 11). С другой стороны, на северных склонах горы Рудник, в области Качер, ударный слог имеет или почти ровную, или более выражено нисходящую интонацию, в то время как заударный слог выше, чем при долгом восходящем ударении (Петровић, Гудурић 2008: 426; ср. Радић 1990: 9). Ср. (Каровић 2008: 14–15; Каровић 2015: 47).

²⁷ Писец этих хрисовулов в диграфных сочетаниях чаще ставит надстрочный знак на второй компонент, чем на первый, как в греческой традиции в случае дифтонгов. Однако он более свободен в распределении знаков, о чем свидетельствуют и другие примеры.

6. 2. Примеры показывают, что при помощи этого знака, наряду с индивидуальным ударением, прежде всего осуществляется логико-ритмическое членение повествовательных фрагментов. Во всяком случае использование данного знака указывает на восходящую, приподнятую интонацию, что соответствует торжественному тону речи (подобная выразительность возможна, согласно нашему опыту, и в современной сербской патетической речи, в особых случаях). Александр Белич записал, что жители Цреса (1909) на одном спектакле, где он присутствовал, в случаях, когда «хотели произнести какое-либо слово более ясно и понятно, всегда произносили его с [́]», т. е. с акутом (Белич 2000: 124). Так и средневековый писец речевой экспрессии достигает благодаря подъему интонации, а это уже находится в одной плоскости с акутом.

6. 2. 1. При помощи данного экфонетического знака рисуется произносительная линия высказывания, с его началом, фокусами, паузами, связками, концом. Сочетанием этого знака с кинovarью и большой буквой открывается произнесение целых блоков, например: ѿ же 9r 8, ѿ сѣ 15v 1, 17r 11, 18r 9 и т. д., а также небольших цитат, прямо или опосредованно, например: рѣ. сѣ виждоу 8r 5 / боуди ваимъ слышешиймъ ѿзвѣстнѣ сѣ. яко... 91r 3. Также вместе с данным знаком продолжается ранее начатое изложение: ѿ заселнѣ сръбнѣ... 33v 2–3, ѿ заселнѣ на далѣтнѣ... 33v 4–5, ѿ мѣгѣ киевоу 75v 7–8. Союзы сами по себе обычно неударные. Фразовый фокус может распределяться в различных типах конструкций, в кратких и более крупных сегментах в рамках широких, сложных высказываний. Мы наблюдаем его в конструкциях с сочинительной связью, иногда в зависимых предложениях, а также в предложно-падежных сочетаниях. При перечислении в открытых составных конструкциях особое выделение сопровождается реализованным полисиндетом: ѿ оулиаириѣ... ѿ коватиѣ ... ѿ ꙗсѣмъ 34r 7–11; иногда выделяется только один соединительный союз, например: ѿнѣгльскаѿ ѿ аѣханѣгльскаѿ ... войнства 5r 8–10, кошница ѿ ꙗ рикавѣць 44r 7–8. Таким же образом подтверждается равноправное восприятие нескольких альтернативных ситуаций, а также может выделяться последний разделительный союз: ѿни коупленнѣ ѿ ѿни ѿспрошеннѣ ѿни колене дамѣнѣ 91v 3–5. Писец выделяет различные отношения, например, причинные, выраженные соответствующим подчинительным союзом: ѿре | за чрьмень даѿ... 19v 3–4, а также отдельные слова в конструкции,

например, и предлог, и существительное: оў іскікоўкый | рть 29v 7–8, или вне ее, сами по себе: а ўранилі ё виногра^а разно. 52v 2–3; или только: йїн^а р. 5.

Следует отметить, что в большом числе примеров рассматриваемый знак стоит в конце строки или страницы, при переносе слова, которое, как и все целое, к которому оно относится, следует связать путем подъема интонации или усиления тона, или хотя бы за счет внимательности при чтении. Одновременно кремасти предстает своего рода «дефисом» (*divisus*), орфографическим знаком для соединения разделенного слова на письме: бело оу коуавчн ососани. а | мегіе моў 26r 7–8, и нїе потюк оў || рькоў 30v–31r, на ўїлноў страноў 32r–32v, ўкоу^а ймь йгоўмень 75r 2–3. Для писца удобно, когда такой соединительный знак (в конце строки) сочетается с каким-либо ударением или со слогом, который в следующей языковой фазе перетянет ударение на себя (сейчас тон восходящий): оўзійма 37r 7–8 ср. да не оўзійма. | 36v 11, да се не оўзіймаа 50v–51r (так же да йї се не оўзіймаа. | 56r 11, да се оўзіймаа. | 56v 2), заклийнама р. 105–106. Кремасти, в том числе в некоторых из приведенных примеров, в позиции начала слова опирается на дасию, с которой происходит интерференция, как мы уже указали выше (6. 1. 1.): да снє йїмаа 49r 10–11, іако въ | сємь хрїсоуоула || 92r 11–12. Отсюда имеются примеры с некоторой свободой писцов, когда трудно определить, какой из этих двух знаков употреблен.

Логическое ударение влияет на выбор фонетических образов слов: экспрессивная форма, которая находится на первом плане, как правило, более консервативна, в отличие от той, которая стоит на втором плане и является более обычной: ў тога ітоў. | шо ё дало р. 73–74²⁸. И современный диалектный материал обнаруживает схожие отношения (с акутом и без него), вызванные речевой экспрессией: «но *итā!*!» / «*ита* знам *jā*» (Радић 2010: 46).

6. 2. 2. В соответствии с экфонетическим интонационным значением данным знаком, таким образом, обозначается долгий неоакут.

6. 2. 2. 1. Наблюдается использование знака в основе существительных (а), прилагательных в определенной форме (б), местоимений (в) и глаголов (г):

²⁸ Ср. ттѡ, ттѣ (Загребин 2006: 61, 63).

(а) хрѣстѣ 31г 3 (*хрѣстѣ*, ср. русск. хворостъ < *xvorst-ъje (Лома 2013: 224–225))²⁹, сѣи хрѣѣ. | 79v 11 (*храм*, ср. русск. хором)³⁰, краѣль | р. 89 (*краѣль*); (б) село бѣни полѣ 14v 9 (*баѣѣ*); (в) сѣи 87г 4 ном. ед. м. р. — с сербским удлинением, вызванным факультативностью частицы (*сѣj*)³¹, ѧ ѡнь 55v 10 (*ѡн*, ср. современное *и ѡн*)³², тѣзи 51v 9 ном. ед. ж.р. (*тази*, ср. *и тѣ*), Тѣ-же 88v 8 ном. ед. ж. р. (*тѣ-же*), и тѣь самъ р. 89 ном. ед. м. р. (*тѣь*, ср. *и тѣj*)³³, самъ р. 6 (*сам*)³⁴; (г) како се камы | вѣлѣи 18v 9–10 (*валѣи*), 22v 8, да ... | градѣ 50v 12 (*да градѣ*)³⁵, да се ... | хрѣниѣ. 52г 3–4 (*да се хрѣниѣ*), ѣзвниѣраѣеть р. 69–70 (*ѣзвниѣраѣет*)³⁶, ѡѡѡѡѡѡ р. 85 (*ѡѡѡѡѡѡ*)³⁷.

6. 2. 2. 2. В парадигме чаще всего отмечается генитив ед. ч. существительных женского рода (а), прилагательных (б), местоимений (в), а также глаголов (г), например, в 3-м лице ед. ч. наст. врем. (/1), а также действит. прич. наст. врем. м. р. (/2):

(а) ѡ | водѣ 17г 3–4 (*водѣ*, ср. соврем. *водѣ*), ѡ главѣ 22г 5, 28г 12, 29г 4 (*главѣ*, ср. *главѣ*), конь поповѣ лоуѣѣ. 38v 5–6 (*луѣѣ*, ср. *луѣѣ*), прѣко злѣ странѣ 45г 6–7 (*странѣ*, ср. *странѣ*), ѡ злѣ рѣѣѣ || 47г 12 (*рѣѣѣ*, ср. *рѣѣѣ*), Войскѣ 58v 10 (*војскѣ*, ср. *војскѣ*), ѡѡѡѡѡ р. 17

²⁹ Для собирательных существительных на суффиксе *-ъje*: см. (Радић 2010: 48).

³⁰ Еще примеры см. (Загребин 2006: 68).

³¹ Ср. (Загребин 2006: 61).

³² Засвидетельствовано *ѡн*, например, в славонской Посавине (Ivšić 1913 II: 34). Вводное примечание: возможность новоштокавского переноса (в примерах типа *и ѡн > и ѡн*) для нас является свидетельством, что на более раннем этапе на слог, ударение с которого перейдет на другой слог, стоял именно акут (*и ѡн). Его происхождение и дальнейшее развитие во всех конкретных случаях для нашей темы не релевантно.

³³ Сегодня в диалекте *тѣ* (пр. *тѣ* чардак: Петровић, Гудурић 2008: 420, примечание 5). Ср. (Загребин 2006: 63, 70).

³⁴ Ср. *сам* (Радић 2010: 46); еще одно подтверждение см. (Загребин 2006: 70).

³⁵ Ср. *гради* (Радић 2010: 46).

³⁶ Ср. *прибиѣрам* (Радић 2010: 47).

³⁷ Ср. чакавское *изѣти* (Московљевић 1950: 188).

(*оуше̃*, ср. *оуше̃*)³⁸; (б) *прѣ|ко злѣ странѣ* 45г 6–7, *ѿ злѣ рѣкѣ* || 47г 12 (*злѣ*)³⁹; (в) *ѣсѣ (землиѣ)* 12v 2 (–3), 90v 9 (*свѣ*)⁴⁰; *съ ѿнѣ странѣ* 22г 3 (*онѣ*, ср. *онѣ*)⁴¹, *ѧ ѡколо ѧ голы|ла* 29г 2–3 (*ѧ*, ср. *нѣ*, *код нѣ*)⁴²; *ѿ тѣ* 41г 12 (*тѣ*)⁴³; (г.1) *гдѣ се зовѣ* 39г 8 (*зовѣ*, ср. *зѡвѣ*), *не ѧмѧ* 56v 10 (*не има*, ср. *нѣ имѧ*), *ѧ гдѣ годѣ се соудѣ чини|* | 57v 10 (*чини*, ср. *чини*), *да ѧмѣ нѣ* 74г.7;⁴⁴ (г. 2) *не ѧмѣ* | 5г 5⁴⁵.

6. 2. 2. 3. При помощи кремасти отмечается и акутная интонационная долгота в генитиве множественного числа существительных⁴⁶:

–ѣ̃ (г. е. –ѣ̃): *прѣжѣ вѣкѣ* 5v 5 (*вѣкѣ̃*, ср. соврем. *вѣкѧ*, *векѡвѧ*), *дарѡвѣ* 9г 9 (*дарѡвѣ̃*, ср. *дарѡвѧ*), *грѣхѣ* 9v 7–8 (*грѣхѣ̃*, ср. *грѣхѧ*), *врагѣ* 10г 12 (*врагѣ̃*, ср. *врагѧ*)⁴⁷, *до крѣтѣ*. н *ѿ | крѣтѣ* 15v 7–8 (*крѣтѣ̃*, ср. *крѣтѧ*), *оузѣль хра|ноѣвѣхѣ лазѣ*. 26г 11–12 (*лазѣ̃*, ср. *лазѧ*), *ѿ полѧнѣ*. 26v 12 (*полѧнѣ̃*, ср. *полѧнѧ*), *ѿ | крѣтѣ* | 37v 6, *конь ... лоу|кѣ* 38г 10–11 (*лу|кѣ̃*, ср. *лу|кѧ*), *шекоу|ларѣ* 46г 5–6,⁴⁸ *ѿ межѣ* 46v 4, *цѣкѣ*. | 51г 9 (ср. *дасѧкѧ*)⁴⁹, *снѡвѣ*. 55г 10 (*синѡвѣ̃*, ср. *синѡвѧ*)⁵⁰, *.нѣ. диннарѣ*. | 57v 5, по *.ѣ. диннарѣ*. | 57v 7 (*диннарѣ̃*, ср. *диннарѧ*), *Катоу|нь смоудиро|гѣ*. | 69v 11 (ср. *рогѡвѧ*), *.р. сподѣѣ соли*. | 77г 9, *ѿ снѣ̃* | 79v 3, 85г 9, *ѧ стѣхѣ ѿцѣ̃*. | 85v 10 (*отѣцѣ̃*, ср.

³⁸ Для именной модели см. (Ivšić 1913 II: 23).

³⁹ Ср. *zlě* (Ivšić 1913 II: 42).

⁴⁰ Ср. *svě* (Ivšić 1913 II: 40); чакавское *se* (Белић 1999: 224).

⁴¹ В диалекте онѣ (Radoičić 1996: 39).

⁴² Ср. *код нѣ* (Ивић 1994: 244).

⁴³ Ср. *tě* (Ivšić 1913, II: 37); чакавское *te* (Белић 1999: 224). Написано со спиритусом в функции кремасти.

⁴⁴ Ср. *nī*, наряду с *nije* (Ivšić 1913 II: 88). В чакавском, возможно, утвердительная форма *jē* (или *jě*) более поздняя, чем короткий вариант *jě* (Каровић 2015: 370, примечание 1361).

⁴⁵ Возможно, само отмечание долготы происходит из слияния окончаний определенного вида (ср. *имѣ*, Загребин 2006: 56).

⁴⁶ О генитиве мн. ч. см. (Пешикан 1969: 125–129).

⁴⁷ Ср. *vrāgā* (Ivšić 1913, II: 228).

⁴⁸ Вероятно, по модели *gospōdār*, *gospodāra*.

⁴⁹ Ср. *dasākā* (Ivšić 1913, II: 26).

⁵⁰ Ср. *sinōvā*, наряду с *sinōvā* и *sinōv* (Ivšić 1913, I: 225, 228).

отáцā); коñ | ... лазъб̃. | 76г.4–5;⁵¹ -ĩ (< -ьjь'): м'тñ | 57г.2, ѿ снѡв̃к̃. | 79v 4 («от племянников»)⁵².

6. 2. 2. 4. При помощи кремасти иногда выделяются словообразовательные аффиксы, например, суффикс -йк, или -йк (< -нкъ)⁵³:

дгѣловйк̃ 16v 5 (*м'ђеловйк*), шиповйк̃ 16v 6 (*шиповйк*), на воз'нйк̃ 29v 2 (*возник*, ср. современ. *вѡзнйк*), оу бьзовйк̃. й низь бьзовйк̃ 36г 11–12 (*бзовик*), сокалнйк̃ 55v 7–8, мѣртйк̃ р. 43 (в современной адаптации, однако, *мѣртик*)⁵⁴;

-йште, или -йште (-нщє):

оу врата градйшоу 25v 3–4 (*градйшту*, ср. *градйште*), мж'оу рюйща 22г 9–10, ñ рюйща 39г 7;

-йн, или -йн (< -ннъ):

добрйнь 63v 4 (*Добрийн*).

6. 2. 3. Посредством кремасти обозначается и долгота, независимо от ее действительного интонационного значения, поскольку выделенная долгота сама по себе акустически близка акуту⁵⁵. Таковую долготу писец двух хрисулуов обычно подчеркивает в окончаниях и редко в словообразовательных аффиксах.

⁵¹ Знак кремасти, вероятно, случайно поставлен на первой мере, поэтому писец в качестве коррекции внес спиритус над другим, финальным «ер». О судьбе засвидетельствованного в посавских штокавских говорах окончания -ā в генитиве мн. ч. при склонении ѡ- и ā-основ в связи с многосложными формами см. (Karović 2015: 537–540).

⁵² Это модель *lūdī* (долгота по аналогии) < *ludī < *ludьjь' (см. Karović 2015: 498–499).

⁵³ Ср. (Дыбо 2000: 135).

⁵⁴ Редко встречающееся слово. Засвидетельствовано, например, в словаре «Српски рјечник» Вука Караджича, с примечанием, что встречается «в монастырях Фрушкогорским», в значении *vinum demensum monacho* (Караџић 1852: 23).

⁵⁵ В описаниях известна интонационная близость акута и заударной долготы (см., например, в (Радић 2010: 49)).

6. 2. 3. 1. Долгота по своему происхождению здесь может быть изначальная, перенесенная по аналогии или компенсаторная.

6. 2. 3. 1. 1. Знак кремасти стал общим обозначением открытого последнего слога в генитиве множественного числа существительных (-ѣ), поэтому нельзя исключать обобщение ритмическо-мелодической модели, т. е. акутную интонацию обозначенных слогов:

-ѣ: не ѿ дѣлъ мойхъ 9v 12, прѣродитѣль ѿ родитѣль 11v 9–10, 82v 2–3, ѿ водницъ 16г 4–5, ѿ вардницъ 18г 12, ѿ раѣницъ 18v 1, выше ... роуѣць. | 20v 1, ниже | ... коуѣць. | 20v 8–9, ниже ... | коуѣницъ 22г 5–6, ѿ роудницъ 25г 9–10, ѿ роудницъ. 25v 7, ѿ шалновѣць 26г 8–9, ѿ тоуѣць. 26v 4, 27г 2, ѿ мѣшчнкъ. 28г 8, конь варѣ. 29v 8, конь кривачѣ. 38v 1, конь прѣроѣницъ 38v 2–3, ѿ рыбарѣ. | 38v 7,⁵⁶ выше трехъ грѣудъ | 42v 5, ѿ двоѣницъ 45г 2–3, сокаѣницъ. 51г 6, полатѣ. 54v 1, шѣць 59г 1, пнѣницъ. 59г 4, шншатоѣць. | 61г 2, Катоуѣнь вокоѣць. | 69г 1, Катоуѣнь войсильць. 71v 11 [Војсильць], .г. товарѣ. 75г 4, апѣль. 78v 6, 82г.6,⁵⁷ хрсовоуѣль 81г 3, ѿ ѿ всѣхъ прѣкъ апѣль | мѣнкъ 85v 8–10, прѣродитѣль ѿ родитѣль. || 85v 11–12, црѣкъ. | 87v 6, 91г 11, хрсовоуѣль 91г 12, сѣль 93v 1, ѿпѣць. ѿ ѿгоуѣмень. | 93v 7–8; члѣвъкъ р. 88⁵⁸.

В значительном числе примеров данный знак появляется в конце строки или страницы, что означает, что происходит аккумуляция его функций. Это одновременно реальная долгота и так наз. «дефис».

⁵⁶ Между киноварным большим И и удвоенных еров с кремасти формируется заголовок, и в целом после повышения интонации ожидается короткая пауза для следующей строки.

⁵⁷ Здесь возможна следующая расстановка ударения в слове: *āpostōlā* (согласно современному *āpostol*), или же *apōstōlā* (согласно *apōstol*, греч. *ἀπόστολος*; см. *apostōlaa* в словаре делла Белла 1728 г.: Ligorio 2016: 33).

⁵⁸ Не исключено, что этот пример произносился с акутом на последнем слоге (сегодня в штокавском здесь подвижное ударение *чѣвек*, *чѣвѣка*, а также *чѣвека*). Тем не менее, мы отнесли его сюда, принимая во внимание его праславянское склонение (*čьlověk, *čьlověka. см. (Каровић 2015: 35, примечание 8б); ср. ген. мн. ч. *бѹбрѣгѣ* по классическому образцу (Даничић 1925: 28).

6. 2. 3. 1. 2. Два примера генитива мн. ч. существительных указывают на компенсаторное продление закрытого последнего слога до широкого распространения окончания $\bar{b}$ (это явление и сегодня известно некоторым штокавским говорам): $\bar{w}$ *плоу́жйнь*. | 25г 1, *конь стрьмогла́внйць* 38v 4–5. Удвоение указывает на концентрацию просодических средств: долготы, а возможно, и ударения. То же явление отмечается и при помощи кремасти: *цело полььзь* 32г 5⁵⁹.

6. 2. 3. 1. 3. При помощи того же знака отмечается суффикс множественного числа в предпоследнем слоге — $\bar{a}ne$ (-ане): *цело граничъне*. 15г 4, а затем и при адаптации грецизмов в косвенных падежах окончание $\bar{b}r$ (< -ыръ): с *монасты́рьем* р. 35, *монасты́ря* р. 103 (серб. *mānastīr* < *monastýriov*)⁶⁰.

6. 2. 3. 1. 4. При помощи кремасти отмечается и генитив ед. ч. ж. р. на $\bar{e}$ существительных (а), а также других именных слов — прилагательных (б) и местоимений (в), в примерах, не вызывающих сомнения, с акутом на том же открытом последнем слоге, а также то же окончание используется и адвербиально (г):

(а) *конь доброво́ннй* 17v 12, *цѣ банѣ* 18г.2, *нѣ коу́лнѣ* 18v 6–7, *цѣ ... гроблѣ* 20г 2, *цѣ растѣлннѣ* 20г 10–11, *до прѣкѣ цѣстѣ* 26v 2, *цѣ љмрѣковннѣ* 29г 12, *развѣ неѣврѣ*. 31г 6–7, *до | цѣстѣ* 33г 9–10, *цѣ кроу́шкѣ* 35г 1, *цѣ | драчѣ* 41v 2–3, *цѣ голмылѣ* | 43г 1–2, *ниже || граковннѣ* 43v–44г, *цѣ скрвоолѣннѣ* 44г 9–10, с *липовннѣ*. 47v 3–4, *гръвннѣ* 48г 7, *н | оу́ црѣкѣ* || 48v 3–4, *развѣ зейтѣ* 51v 3–4, *вѣз воулѣ* || 52v 12, *ѣто се ѡбрѣтаѣ рѣвѣ* 56г 6–7, *цѣ коу́щѣ*. 57v 4, *нн ѣне | никоѣ работѣ* 58v 11–12, *прѣтѣ* 82г 5; (б) *развѣ ... замѣне воулѣ* 81г 8; (в) *влѣце | нашѣ* 11v 4–5; (г) *насѣпннѣ* 50v 8–9.

6. 2. 3. 1. 5. Обозначение долготы наблюдается и в глагольной парадигме, обычно в настоящем времени:

(а) 3 л. ед. ч. $\bar{e}$: *кто ли се ѡбрѣтѣ* || 38v 12, *къдн ... | пойдѣ* 54г 6–7, (*ѣще кто ...*) *дръзнѣ* 93г 5; (б) 1. л. множ. $\bar{im}$: *славѣм* | 91г 2;

⁵⁹ Пользи ном. мн. ч. (см. Лома 2013: 173).

⁶⁰ Возможно прежнее произношение *manastīr*, так как в живой речи можно услышать *manāstīr* (ср. *psalstīr* < *ψαλτήριον*). В этом случае в указанных примерах было бы: с *монасты́рьем*, *монасты́ря*.

(в) 2 л. мн.ч. *-ите*: да не потворнѣте ни разорнѣте р. 82 (с удвоением гласных графем); (г) 3 л. мн.ч. *-ѹ, -ѣ, -јѹ*: како се стаю потоци 15v 9, калко се ниве стаю 32v 1–2, ѥ догадѣ се не | ѡбрѣтоѹ 49г 1–2, да ѡрю 49v 2, да косе | 50г 3, 57г 4, да | ѡрю 50v 4–5, 50v 7, 55г 7, 57г 2, 57г 10, да доносе | 56г 7, 74v 11, да се не толваре. 56г 9–10, ѥ ако по грѣхѣ || ѥзгноѹ 74г–74v; да ѥм се не оѹзмоѹ 31г 6⁶¹;

также в аористе, хотя и реже:

3 л. ед. ч. *-ѹ, -ѣ (се)*: ѥвѣ | се бг 1–2,⁶² ѥзглѣ | бv 5, даѣ 15г 7, роднѣ се р. 6, да р. 39;

и в имперфекте:

3 л. ед. ч. *-аше* (< -а-аше): прошаше. 9v 4;

далее в страдат. причастии прош. времени:

-ан (< -анъ): ѥгловань. 70г 9–10.

Только иногда отмечается долгота в основе глагола, возможно, в связи со смещением ударения:

испѣсаше^ѣр. 32 (< испѣсаше се).

6. 2. 3. 2. 1. 1. Долготы характерны для ранней штокавской, т. е. сербской фонетической системы, нередко они образованы слиянием, о чем свидетельствуют очень древние памятники. В Святостефанском хрисовуле такой же долгий слог (чаще всего в окончании словоформы) мог быть показан или при помощи удвоенных гласных графем («традиционно»)⁶³, или при помощи особого знака:

ѥнглѣскаѣ ѥ дрѣхнѣгльскѣ бесплѣтнѣ койнства 5г 8–10, ѥнѣпѣ зетѣскѣн ... 89v 2 и т. д. – [ѥнѣпѣ ...] коудимльскѣ | никола. 89v 7–8, ѥгоѹмѣни же. стоѹденичкѣн ... 89г 4–5 и т. д. – койчоѹлскѣ || 90г 12.

⁶¹ Здесь спиритус в роли кремасти.

⁶² Ср. ѥвѣ (Загребин 2006: 67).

⁶³ Примеры традиционной редупликации см. в (Загребин 2006: 53–54).

О разнообразном представлении долготы в сербских рукописях с конца XIII в. до середины XIV в. см. там же (Загребин 2006: 50–51).

Какова природа такого слияния, видно на примерах, в которых оно показано только по техническим причинам, в конце строки, а по структурным причинам оно на самом деле отсутствует:

ни | митрополиѣй ни ѿѣпѣѣй. | 14г 8, не быти | ѿѣпѣѣй нь ѿгоуменѣй. | 77v 8, въ ѿѣствѣй | 79v 2, 87v 5.

Тем не менее, более редки примеры геминации гласных графем в долгих слогах, полученных ранним слиянием без соответствующего знака кремасти, всегда в окончании словоформы независимо от того, идет ли речь о прилагательных (а) или о глаголах (б):

(а) село вльчнѣѣа. || 14v 12, село ѿриѣ|ховоѡ 15г 10–11, оу ... селища старѣа 20v 4–5, оу вралѣца ѡсоуднѣѣа 30г 1–2, пѣстраѣа боу|кѣва 44v 8–9, меж^аоу|соѣнѣа крагѣа 58г 3–4, ѡбласть дѣѡнѣа 78г 3–4; свѣщеннѣскаѣа|го (чѣйна) 93v 9–10, (чѣйна) чрѣпѣскаѣа|го 93v 11–12; (б) всакъ | да копаѣа 49v 8–9, кѣто || ли га не оускопаѣа 49v–50г, ѿ попитаѣа 51г 3, кѣто се ѡкрѣтаѣа 56г 6–7, да ѿн се не оузѣнѣмаѣа. | 56г 11 (ср. да се оузѣнѣмаѣа. | 56v 2), да | сповѣдаѣа. 78г 9–10.

Примеры с двойными гласными содержат кажущуюся реституцию второй гласной, и речь не идет о черте раннего правописания, с сохранением ассимилированной второй гласной после выпадения подвижного лабиального *йота* (-ак > -аа, -ын > -н), что видно в случаях, где имеется сосредоточение средств, удвоение гласных и соответствующий знак (добраѣа|го наслаѣднѣа 13г 11–12, гѣдствѣ|ѣющаѣа|го. 80г 2–3). Доказательство и в этимологически неоправданных сочетаниях, в которых не было слияния, например, -аа, -оо (село вльчнѣѣа. || 14v 12, село ѿриѣ|ховоѡ 15г 10–11). Случаи с наличием пары ы-и пограничны и со своей стороны показывают, что писцы эпохи короля Милутина для графемного отчисления долгот, образованных геминацией, все-таки исходили из исторически реальных подтверждений⁶⁴:

блѣгосрѣдѣѣй бг 8 (этимологическое правописание) и вѣйтѣ 15г 8, монастыѣрѣ р. 36 (инновационное правописание, которое имитирует этимологическое); существует и нагромождение средств: таковыѣѣ р. 71.

⁶⁴ Ср. (Загребин 2006: 33–34).

Сюда, вероятно, относятся весьма многочисленные примеры из сложного адъективного склонения с удвоенным $\bar{u}$ (-) (< -ын(-), -ин(-)), в которых нет большого отклонения по сравнению с традиционным написанием, например:

й оў | страшиѣцькѣй потюкъ 30г 8–9, оў поўть грѣкѣй 32г 10, оў гльбокѣй доль 40v 12.

6. 2. 3. 2. 1. 2. В значительном числе примеров использование надстрочного знака обусловлено и синтагматическими причинами. В современном говоре Копаоника зарегистрирована синтагматически обусловленная долгота под ударением на открытом последнем слоге прилагательных определенного вида, независимо от положения существительного (антепозиция и постпозиция):

вѣнац старѣнскѣй, свѣтѣ Богорѣдица, божиѣмъ колѣч (Радић 2010: 55–56).

Сегодня здесь долгое нисходящее ударение, однако в народных говорах существует тенденция вытеснения акута из финальной позиции, особенно в многосложных формах⁶⁵. В прошлом в таких словосочетаниях не следовало бы исключать модель с акутом, а с учетом природы торжественного произнесения речи, как мы уже указали, эта модель в определенной степени и подразумевается (ср. 6. 2.).

6. 2. 3. 2. 1. Данное отмечание долготы наблюдается в первую очередь в окончаниях сложного адъективного склонения, в различных падежах всех родов, например, в ном. ед. ч. (а), ген. ед. ч. м. и ср. р. (б), ген. ед. ч. ж. р. (в), аккуз. ед. ч., совпадающем с ном. ед. ч., вне категории одушевленности (г), а также в аккуз. ед. ч. м. р. в формах категории одушевленности (д), в вок. ед. ч., совпадающем с ном. ед. ч. (е), инстр. ед. ч. (ж), ном. мн. ч. всех родов (з), дат. мн. ч. м. р. (и), инстр. мн. ч. м. р. (к) и т. д.:

(а) $\bar{u}$ (< -ын, -ин): йстинѣй | снѣ твоей бв 3–4, снѣ вѣй | 8г 8, Катоўнѣ бльгарскѣй. | 64г 8, [йѣпѣть ...] боудимльскѣй | никола. 89v 7–8, [йгоўмени же ...] койчюўскѣй || 90г 12, прѣжѣ | быўшѣ краѣъ ∴ || 86г 6–7, ѣмѣренѣй

⁶⁵ Примеры наподобие *такѣ* редки, а еще реже наподобие *руѣом* (Радић 2010: 45).

никондѣмь 94г 3–4, бѣжѣ архієписѣпъ 94г 4; *-ā* (< -ага): село вайскѣ. 14в 6, калко пристае рьжанѣ 37в 7–8 [ръжа], планина динишкѣ. 44г 6–7, долинѣ вѣстрица 48в 7, земля црковнѣ | 54в 11, всакѣ глоба 57в 11, ѣ краглѣ мегюсовнѣ 75в 3–4, а коњскѣ [крагла] 75в 5, земля влалшкѣ 75в 6–7, влѣтѣлица хиландарѣкѣ. р. 32; *-ō* (< -оѣ): село гльбокѣ. 15г 3; (б) *-āzo* (< -аѣго): слнѣнѣго свѣтѣннѣ 8в 10–11, кра^г стефална нарѣнѣго 12г 9, раѣнѣго ... || настаѣника 12г–12в, великѣго кра^г 12в 5, добрайго насѣднѣ 13г 11–12, гѣдствѣюшѣаго. 80г 2–3, великѣго краглѣ 84в 4, ѣ таковѣго [чловѣка] 85в 2–3, ѣ животворещѣго крѣта 85в 8; ѣ ѣ мене грѣшнѣго [краглѣ] 86г 2–3, морѣвскѣго гра^гца | 90г 10; цѣра грѣкѣго р. 32; *-ōza*:⁶⁶ конь модрѣго | мѣла 17в 5; (в) *-ē* (< -ѣга, -ага): оуѣ връхъ копорнѣтскѣ планине 18г 4–5, до прѣкѣ цѣстѣ | коучевскѣ. 26в 2–3, ѣ ѣнѣ власти 78в 8; (г) *-ī*: оуѣ мѣднѣ || потоць 15в–16г, оуѣ модрѣ | мѣль 17в 4–5, прѣзь лавскѣ | поуѣть 20в 2, оуѣ прапраѣтнѣ | доль 25в 6–7, на црѣвнѣ | посьла 52г 2–3; *-ū* (< -уж): оуѣ връзковоуѣ | главоуѣ 19г 4–5, оуѣ ѣвоуѣ мегѣ. 25в 9, оуѣ стѣноуѣ ... | оуѣ крайнѣ. 29в 3–4; оуѣ людскѣ. 34г 6–7 [ръкоуѣ],⁶⁷ за чемеѣрноуѣ поляноуѣ 36в 7–8, оуѣ рьжаноуѣ. 37в 7 [ръкоуѣ], оуѣ лнѣтоуѣ стѣноуѣ 38г 3, на соблоуѣ главоуѣ 40г 7, оуѣ оуѣгѣскоуѣ | гомѣлоуѣ 43в 4–5; *-ō*: на^а граднице врожснѣтѣлскѣ 22в 5–6, оуѣ горнѣ чело || 29в 12, оуѣ долинѣ чело. 30г 10, по^а планѣ | брьдо 30в 10–11; мѣсто четвьртѣ. 78в 10–11; (д) прославѣяюшѣаго [краглѣ] 91г 3, краглѣѣствоуѣюшѣаго 92г 7; (е) ѣ всепрѣѣтѣ | ѣ непрѣстоуѣтнѣ свѣте бг 6–8; (ж) *-īm* (< -ѣнѣ): прѣкѣмь поуѣтець 28г 1; (з) *-ī* (< -ни): невѣрнѣ жндѣве 7в 9–10; *-ē* (< -ѣга, -ага): [мегѣ ...] кроуѣшеѣскѣ 46в 3–4; *-ā* (< -ага): ѣнглѣскаѣ ѣ архангѣльскѣ беспѣлѣтнѣ войнѣства 5г 8–10; (и) *-īm* (< -нѣмь): любѣшнѣмь 7в 3–4, [ѣглѣмь] проповѣдаюшнѣмь 7в 9; (к) *-īmi* (< -нѣми): живѣуѣшнѣмь р. 23–24, и т. д.⁶⁸

6. 2. 3. 2. 2. Периодически встречается отвлечение подобной долготы в окончаниях глаголов, например, в 3 л. ед. ч. наст. времени (на

⁶⁶ Позднейшее аналоговое ориентирование на местоименную парадигму, свойственное сербскому языку (в партиях на народном языке).

⁶⁷ Ср. оуѣ людскѣ 34г 7–8.

⁶⁸ Сопоставимые примеры в других памятниках этого же периода: см. (Загребин 2006: 57–58).

новом тематическом гласном $-â-$ < $*-ǎje-$ (а) и в 1 л. мн. ч. наст. времени (б):

(а) $-ā$ (< $-aε(ть)$): оўпада́. 19г 1, 42v 2, (потокъ гдѣ ||) спада́ (22г 12) 22v 1, да не оўзй́ма́. | 36v 11, ни копа́ | 47v 1, да га ... напра́вля́. 53v 8–9, да се оўзй́ма́. | 56v 2, да се њзвирáя р. 72–73; (б) $-āmo$ (< $-aεmo$): проклинáю р. 108.

6. 2. 3. 3. Одиночно наличие знака в основе слова:

никáко 9v 8 (ср. современные дублеты: нй́кáко / нй́којáко)⁶⁹.

6. 3. При помощи кремасти отмечается ударный слог, долгий нисходящий, а также иногда долгота, оставшаяся после перехода данного ударения на проклитику:

оўз рѣть 15v 6, 18г 4, 19г 9 и т. д., оў рѣть 17v 1–2, оў рѣть. || 17v 12 и т. д. ($p̄t$, ср. $pāt$), трѣ | љти 49v 4–5, сла́дь 51v 7 (ср. сла́дь 51г 8, русск. со́лод), зрáкъ р. 10 (русск. зóрок)⁷⁰, оў | глáвоу. 22г 4–5, оў пѣ́саноу глáвоу. 27г 4–5, ѡб лѣ́воу стрáноу 27v 5–6, оў врѣ́воу 36г 6, 38v 6, ѡзй́ме ралнѣ 49v 2–3, ѡзй́ме ралнѣ 49v 5–6 (серб. òzīm ж. и м.)⁷¹, стани́цйрь. 69v 4–5; тáко р. 9⁷².

Это возможно, когда мы знаем, что и долгое нисходящее ударение, и долгота имеют похожую линию мелодии, близкую акуту, с вариациями взаимоотношений в местных говорах. В живой речи, в частности, акут иногда сближается с неударным квантитетом (Радић 2010: 49).

6. 4. В нескольких примерах при помощи кремасти отмечается долгий слог основы, на который, вероятно, начался переход ударения с краткого окончания. В теоретическом плане это представляет собой первую модель исчезновения ударения на последнем слоге в штокавских

⁶⁹ Ср. *свакојáко* (Радић 2010: 50).

⁷⁰ Дополнительные примеры: см. Загребин 2006: 52, 63, 69.

⁷¹ В окрестностях Лепосавича зафиксировано *зй́му* (Radoičić 1996: 39).

⁷² Отвечает реконструкции: **tāko* (Дыбо 1981: 36, 200). Ср. *тáко*, *тáко*, *та́ко* (Загребин 2006: 72). Здесь спиритус в роли кремасти.

говорах, когда в духе сохранения тоновых различий создается долгое восходящее ударение (тип *trāva* < *trāvā*)⁷³:

оу вѣта 25v 3 (< у вѣтѧ), ѡбрьхъ | боуковѣка. ѿ ѡб оноу стрѣноу
боуковѣка 36v 5–7 (< боуковѣка, ср. современное *бук(о)віка*), оу
гѣди 53r 12, хѣма р. 28, 56 (< хѣмѧ), въ хѣмѣ р. 38,⁷⁴ хѣна р. 38
(< хѣнѧ)⁷⁵.

Или в хрисулах зафиксирован готовый результат, или же долгий слог с подъемом тона, что напоминает ломаную тоническую линию. Наконец, писец в данных случаях мог отмечать и акут, так как сегодня существуют весьма консервативные диалекты, где он реализуется в этих позициях⁷⁶.

6. 5. Тем же знаком, хотя и редко, может отмечаться и краткое ударение. Примером является лексема *рѣьь*, которая уже сама по себе маркирована из-за типичного церковнославянского фонетизма. Современная сербская лексема — *рѣб*, и здесь следовало бы ожидать краткого нисходящего ударения. Однако и в других источниках это слово отмечается с тем же знаком (см. Загребин 2006: 71), что дополнительно обращает на себя внимание. Не исключена возможность, что в речевой базе наших источников краткий неоакут (**ròb* < **ròbь*) тогда еще не совпал с кратким циркумфлексом, т. е. с кратким нисходящим ударением⁷⁷. Известны примеры из Кладаня на терри-

⁷³ Ср. (Ивић 1998: 399–400). Об очередности в развитии отдельных ударений см. (Ресо 1971: 49–50).

⁷⁴ Еще примеры см. (Загребин 2006: 68).

⁷⁵ Сюда, возможно, подходят и следующие примеры: *монастырѣи* р. 103, *с монастырѣи* р. 35, *исписашѣ* р. 32.

⁷⁶ Ср. славонское и посавское *крѣлѧ* в ном.-аккуз. мн.ч. (Ивић 2001: 128, 270). Кроме того, в современных чакавских и кайкавских говорах, не испытывающих новоштокавского влияния, «при переходе получают старые ударения, т. е. *noĝā* > *nòga*, *glāvā* > *glǎva*» (Каровић 2008: 29; также Каровић 2015: 52).

⁷⁷ Возможно, сюда относятся и пример: (на *плѣгь*) *цѣть*. 50v б (ср. *ѧ цѣѣ ѣть*. 49v 7; **мѣть?* < др.-в.-нем. *mutti*, лат. *modius* Miklosich 1865: 385); ср. ст.-чеш. *met*, *mta* ‘mensurae genus’ (Gebauer 1970: 344–345).

тории былого восточно-боснийского диалекта, в которых засвидетельствовано много случаев совпадения старого акута ($\grave{\text{~}}$) и краткого неоакута (`) в особом восходящем ударении, отличном от краткого восходящего (Реметић 2004: 655–658)⁷⁸.

7. В Святостефанском хрисовуле в нескольких местах используется «врахия» как обычный вариант кремасти, например:

ѿ стайка рѣкоу 35v 11 / ѿ тѣжѣ стайкъ рѣкоу 37г 1–2.

7. 1. Установлено, что врахия в сербских рукописях этого времени представляет собой обозначение долгого слога (Загребин 2006: 28; Савић 2001: 92; Nedeljković 1964: 30, 38, 47–48). Действительно, она обычно наблюдается в синтагматических сочетаниях в качестве знака адъективной долготы (а), точно так же, как и кремасти, и в целом в качестве обозначения долготы (б):

(а) велкоу ... поуѣнноу 10г 2–3, оу | ѿбрамовскоу главоу. 17v 8–9, оу сашкоу рѣкоу 20г 11, оу пожеженоу гра^а. 31v 7–8, ниѣ кољскоу 38г 6 [рѣкоу]; оу дрѣугоу || гомилоу 41г–41v; (б) оу || стайкъ потокоу 36г 9.

7. 2. Тем не менее, при помощи врахии передается акут:

рѣкоу 37г 1–2 (*рѣку̃*, ср. *рѣка̃*), тоу да раво|таю. 54v 10–11 (*ту̃*).⁷⁹

7. 3. Врахия используется и вторым писцом Святостефанского хрисовула (23г–24v). Точнее, его кремасти больше похожа на данный знак, хотя существует и различие (врахия более сжата, и полукруг с обеих концов толще, в то время как кремасти жирнее выделена пером только с левой стороны, в начальной точке). Вероятно, использование врахии связано с образцом, с которого был переписан Святостефанский хрисовул (она содержится только в дарственном акте короля Милутина, 10г–54v). Ее нет в Хрусийском свитке, однако существует лигатурная буква «ук», где «ик» в форме врахии над основанием буквы д.

⁷⁸ О происхождении данных ударений см. (Karović 2015: 219).

⁷⁹ Сегодня в диалекте *ту̃* (Петровић, Гудурић 2008: 420, примечание 5). Врахия в этом примере сдвинута вправо как кремасти, однако все-таки это не кремасти, если сопоставить с примером из следующей строки.

8. После вышесказанного можно заключить, что знак кремасти остался знаком дикции. Кроме него, в принципе, нет других знаков акцентуации, поэтому он является главным инструментом звуковой организации текста. Основная причина его введения в систему лежит в реальной речевой базе, однако этим писец не ограничивался. Была развита просодическо-экфонетическая система, одинаково применявшаяся и в евангелиях, и в монастырских дарственных. При помощи кремасти отмечался долгий неоакут, а также другие слоги, которые можно использовать для реализации торжественной и тягучей речи с приподнятой интонацией, что подобает акуту.

9. Встает вопрос, какой базе говорюв отвечает рассмотренная система надстрочных знаков из двух дарственных короля Милутина монастырям — Святостефанского и Хрусийского хрисулуов. Это система, в которой хорошо сохраняются долготы во всех позициях (кремасти и удвоенные гласные), а наряду с нисходящими ударениями существует еще по крайней мере одно восходящее, долгий неоакут (релевантными здесь являются основное мелодическое значение кремасти, перенятое из экфонетической нотации, его дистрибуция на уровне слов и в отдельных случаях отменение мор). Не исключено формирование долгого восходящего ударения перед открытым и кратким последним слогом (хотя на этом месте, также в рецессии, можно встретить акут). Данное движение ударения исключает из рассмотрения крайнюю периферию, где данное явление к настоящему времени утрачено (см. об этом: Ивић 1998: 399). Поскольку в фонологической системе сохраняются *еры* и мягкое *р'* (Ивић 1987: 94; Лома 2013: 20–21, 290–294), следует исключить центральные сербские языковые области, в которых эти две черты были утрачены еще в фазе формирования (Ивић 1990: 64). В круг рассмотрения входит достаточно широкий радиус с северной и восточной сторон данных говорюв, который мог быть живо связан с государством и двором Неманичей. Незамененный *ять* дополнительно исключает типичную речевую ситуацию на территории современного косовско-ресавского диалекта, который еще с более раннего времени является экавским⁸⁰.

---

⁸⁰ Там экавская замена началась раньше, первые свидетельства с XII в. (Савић 2016: 265–271, 301–305).

Это означает, что и говор территории, на которой был воздвигнут монастырь Баньска (левый берег реки Ибар на севере Косово и Метохии), к тому времени (а сейчас уже спустя несколько столетий) слился с зетско-южно-рашским поселенческим говором (тогда как в глубокой древности он являлся составной частью косовско-ресавской речевой зоны⁸¹) и не отвечает данной модели. Нашей проекции отвечает территория современной центральной Сербии, от Западной Моравы до рек Савы и Дуная на севере, где в домиграционный период был сформирован тип говоров, который унаследовали современные шумадийско-воеводинские и смедеревско-вршацкие говоры⁸². В западном поясе (от бассейна реки Колубары до Дрине) по сей день лучше сохраняются заударные долготы (Николић 1969: 190–200; Николић 1970: 101–110, 118–119). Здесь и характерное удлинение закрытого слога с конечным сонантом после утраты полугласного (добрийъ 63v 4, тип *Дра́гѣн*, а также *јѣдѣн*, *њѣгѣв*, *јѣсѣм* и т. д., Николић 1969: 194, Николић 1970: 105). Несмотря на то, что в современной диалектологии выдвинуто предположение, что долгий неоакут простирается на широкой территории былой Рашки (од реки Ибар до северного подножья горы Рудник), что примерно 150 км с юга на север, где краткое нисходящее ударение переносилось с конца слов без изменения тона (Петровић 2010: 397–401), наши непосредственные наблюдения на местах приводят нас к другому заключению. К северу от этой линии (от гор Повлен и Мален) в глубину территории шумадийско-воеводинского диалекта, в области Валевской Подгорини, в зоне незамененного *ять*, в рамках своих полевых исследований (1998, 2001) мы слышали в односложных формах «необычное» долгое восходящее ударение в позиции неоакута или с секундарной реализацией, где обычно долгое восходящее ударение не может сохраниться (*њѣј*, *ту*, *туѣ*, *воѣ*, *ноѣ*, *гоѣ*, *доѣ*; а также в многосложных формах с неожиданным долгим восходящим ударением: *залаѣѣ*, *жуѣѣм*). На самом деле, во всех штокавских говорах в средневековые существовал долгий неоакут. Нет препятствующих факторов для того, чтобы связать произношение, ожившее в надстрочных знаках в нашем материале, с территорией северной, причем, вероятнее всего, северо-западной

⁸¹ Описание см. в (Божовић 2008).

⁸² На этой же базе развились и славонские экавские говоры (Ивић 2001: 107).

частью центральной Сербии, где долготы стабильно сохраняются. Интересно, что самая северная точка в земельных владениях монастыря Баньска находилась именно в этой области, в деревне Брестье на реке Сава⁸³. В государственно-политическом смысле это была бы страна короля Драгутина, старшего брата короля Милутина, известная в источниках как «Сремское королевство», латинское название *Regnum Serviae*, в отличие от так наз. Сербской земли короля Милутина, или *Regnum Rasciae* в латинских источниках (Динић 1931: 436, Жиречек 1990 I: 189, Жиречек 1990 II: 3).

ЛИТЕРАТУРА

- Белић 1958 — *Белић А.* Периодизација српскохрватског језика // Јужнословенски филолог. Београд, 1958. Т. XXIII. С. 3–15.
- Белић 1960 — *Белић А.* Основи историје српскохрватског језика. I. Фонетика. Београд, 1960 (см. Белић 1999: 7–151).
- Белић 1962 — *Белић А.* Историја српскохрватског језика. Речи са деκлинацијом / У редакцији Р. Алексића. Београд, 1962. Књ. II. Св. 1 (см. Белић 1999: 153–325).
- Белић 1999 — *Белић А.* Историја српског језика. Фонетика. Речи са деκлинацијом. Речи са конјугацијом // Изабрана дела Александра Белића. Београд, 1999. Т. IV.
- Белић 2000 — *Белић А.* О дијалектима // Изабрана дела Александра Белића. Београд, 2000. Т. X.
- Божовић 2008 — *Божовић М.* Говори средњег Ибра. Друго, проширено издање. Приштина / Лепосавић, 2008.
- Бубало 2016 — *Бубало Ђ.* Неколико запажања о Повељи краља Милутина за манастир Бањску // Манастир Студеница – 700 година Краљеве цркве. Београд, 2016. С. 19–33.
- Даничић 1925 — *Даничић Ђ.* Српски акценти / Приредио М. Решетар. Београд; Земун, 1925.
- Динић 1931 — *Динић М.* Стефан Драгутин rex Serviae // Гласник Историског друштва у Новом Саду. Нови Сад, 1931. Т. 4. С. 436–437.

---

⁸³ Сегодня это было бы *Брешче*. Об установлении локализации данного топонима см. (Томовић 2011: 242–243; Лома 2013: 37).

- Драгин 2015 — Драгин Г. Говори у сливу Студенице. Увод, фонетика, текстови. Нови Сад, 2015.
- Дыбо 1981 — Дыбо В. А. Славянская акцентология. Москва, 1981.
- Дыбо 2000 — Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М., 2000. Т. I.
- Загребин 1983 — Загребин В. М. Некоторые наблюдения над просодическими знаками в средневековых сербских рукописях // Вестник Ленинградского государственного университета. Л., 1983. Т. 2. С. 69–75.
- Загребин 1995 — Загребин В. М. Периодизация употребления надстрочных знаков в средневековых сербских рукописях и надстрочные знаки Киевских глаголических листков // Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Београд, 1995. С. 469–479.
- Загребин 2006 — Загребин В. М. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006.
- Ивић 1987 — Ивић П. Историја српскохрватског језика // Билтен Фонда за научна истраживања САНУ за 1986. год. Београд, 1987. Т. 12. С. 94.
- Ивић 1990 — Ивић П. О језику некадашњем и садашњем. Приштина, 1990.
- Ивић 1994 — Ивић П. Неоакут на падинама Копаоника // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1994. Т. XXXVII. С. 239–246.
- Ивић 1998 — Ивић П. Расправе, студије, чланци. 1. О фонологији // Целокупна дела П. Ивића. Сремски Карловци; Нови Сад, 1998. Т. X/1.
- Ивић 2001 — Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје // Целокупна дела П. Ивића. Сремски Карловци; Нови Сад, 2001. Т. II.
- Јагић 1890 — Јагић В. Светостефански хрисовуљ краља Стефана Уроша II. Милутина. Из Старога Сараја изнесла на свијет Земалска влада за Босну и Херцеговину. У Бечу, 1890 (см. Трифуновић 2011 II: 47–114).
- Јиречек 1990 I–II — Јиречек К. Историја Срба. Београд, 1990. Књ. I: Политичка историја / Превео Јован Радонић. Књ. II: Културна историја / Превео и допунио Јован Радонић. Београд, 1990.
- Јовић 1968 — Јовић Д. Трстенички говор // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1968. Т. XVII. С. 1–239.
- Караџић 1852 — Караџић В. С. Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Бечу, 1852.
- Ковачевић 1890 — Ковачевић Љ. Светостефанска хрисовуља // Споменик СКА IV. У Београду, 1890 (см. Трифуновић 2011 II: 5–45).
- Колесов 1976 — Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. XXXI. С. 23–76.

- Лома 2013 — *Лома А.* Топонимија Бањске хрисулуе. Ка осмишљењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенских именословних образаца. Београд, 2013.
- Московљевић 1950 — *Московљевић М.* Говор острва Корчуле // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1950. Т. XI. С. 153–223.
- Московљевић 1960 — *Московљевић М.* Сећање на једну дијалектолошку екскурзију с професором Белићем // Наш језик. Београд, 1960. Н. с. X. Св. 3–6. С. 81–83.
- Мошин 1966 — *Мошин В.* Најстарата кирилска епиграфика // Словенска писменост. 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966. С. 35–44.
- Мошин 1983 — *Мошин В.* Новгородски листићи и Остромирово јеванђеље // Археографски прилози. Београд, 1983. Т. 5. С. 7–64.
- Неделькович 1967 — *Неделькович О.* Знаки ударений в средневековых сербских рукописях (XII–XIV вв.) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 101–134.
- Николић 1969 — *Николић Б.* Основне дијалекатске акценатске појаве у млађим новоштокавским говорима // Јужнословенски филолог. Београд, 1969. Т. XXVIII. С. 189–207.
- Николић 1970 — *Николић Б.* Основи млађе новоштокавске акцентуације. Београд, 1970.
- Петровић 2010 — *Петровић Д.* Трагови неоакута у говорима југозападне Србије // Зборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. Косовска Митровица, 2010. С. 397–401.
- Петровић, Гудурић 2008 — *Петровић Д., Гудурић С.* Неоакут на северном подножју Рудника // Зборник Института за српски језик САНУ. Београд, 2008. Књ. I. С. 421–428.
- Пешикан 1969 — *Пешикан М.* О основима штокавске акцентуације // Јужнословенски филолог. Београд, 1969. Т. XXVIII. С. 107–142.
- Пешикан 1973 — *Пешикан М.* Мокропољско четворојеванђеље из XIII века — споменик значајне фазе у развоју старосрпске писмености // Зборник матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1973. Т. XVI/1. С. 61–88.
- Пешикан 1985 — *Пешикан М.* О ортографским видовима српске редакције // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Т. 14/1. С. 45–52.
- Радић 1990 — *Радић П.* Цртице о говору села Мрче у куршумлијском крају // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1990. Т. XXXVI. С. 1–74.
- Радић 2010 — *Радић П.* Копаонички говор — етнографски и културолошки приступ. Београд, 2010.

- Реметић 2004 — *Реметић С.* О шесточланом прозодијском систему у говору Кладња и околине // *Живот и дело академика Павла Ивића*. Суботица; Нови Сад; Београд, 2004. С. 651–660.
- Савић 2001 — *Савић В.* Служабник из времена Српског царства. Надредни знаци у рукопису Народне библиотеке Србије Рс 694 // *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор* (2001). Београд, 2002. Т. LXVII. С. 87–97.
- Савић 2009 — *Савић В.* Садржај старе ћирилице и њено преношење у штампарски и електронски слог // *Стандардизација старословенског ћириличног писма и његова регистрација у Уникод*. Београд, 2009. С. 147–178.
- Савић 2011 — *Савић В.* Изворник и копија Светостефанске хрисовуље Јозефа Коржењовског // *Повеља краља Милутина манастиру Бањска*. Светостефанска хрисовуља. Београд, 2011. Књ. II. Пратеће студије. С. 168–172.
- Савић 2016 — *Савић В.* Српска редакција црквенословенског језика: од св. Климента, епископа словенског, до св. Саве, архиепископа српског // *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. М., 2016. Vol. 5. № 2. С. 231–339.
- Савић 2017 — *Савић В.* Писар хиландарске повеље број 139/141 и Светостефанске хрисовуље. Палеографско-филолошко разматрање // *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор*. Београд, 2017. Т. LXXXIII. С. 131–142.
- Савич 2017 — *Савич В.* Диалект и книжна норма в Михановичевом отрывке апостола: о происхождении памятника в свете более широких сербских литературно-языковых данных // *Славянское и балканское языкознание: Палеославистика*. М., 2017. [Т. 15]. С. 225–240.
- Стефановић 1970 — *Стефановић Д.* Екфонетска нотација у старим словенским рукописима // *Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски, II* (23–25 мај 1969, Скопје – Штип). Скопје, 1970. С. 339–346, сл. 1–5.
- Стојановић 1913 — *Стојановић Љ.* Темнићки натпис // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1913. Т. I. С. 4–20.
- Томовић 2011 — *Томовић Г.* Властелинство манастира Светог Стефана у Бањској // *Повеља краља Милутина манастиру Бањска*. Светостефанска хрисовуља. Београд, 2011. Књ. II: Пратеће студије. С. 195–249.
- Трифунровић 1979 — *Трифунровић Ђ.* Удео историјске акцентологије у стилистичким проучавањима средњовековне српске књижевности // *Зборник Матице српске за књижевност и језик*. Нови Сад, 1979. Т. 27/1. С. 59–69.
- Трифунровић 2011а I–II — *Повеља краља Милутина манастиру Бањска — Светостефанска хрисовуља / Приредио Ђ. Трифунровић*. Београд, 2011. Књ. I–II.

- Трифуновић 2011б — *Трифуновић Ђ.* Читање јеванђељског зачала на пасхалној литургији. Према најстаријим српским преписима јеванђеља // Библиестика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведуюћег кафедрой библиестики професора Анатолија Алексевића Алексева. СПб., 2011. С. 296–312.
- Турилов 2010 — *Турилов А. А.* Заметки о сербских грамотах XIV–XV вв., написаних књижним писмом. Проблеми писцов, подлинности и датировки актов (из предварителних набљудењих) // Стари српски архив. Београд, 2010. Т. 9: У спомен академику Сими Њирковићу. С. 193–216.
- Турилов 2014 — *Турилов А. А.* Исследования по славянскому и сербскому средневековью / Изд. подгот. Снежана Елесиевич, Джорже Трифуневич. Уредник Жарко Чигоја. Београд, 2014.
- Gebauer 1970 — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Praha, 1970. Díl II [K–N].
- Hraste 1940 — *Hraste M.* Čakavski dijalekat ostrva Brača // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1940. Т. X. С. 1–64.
- Ivšić 1911 — *Ivšić S.* Prilog za slavenski akcentat // Rad JAZU. Zagreb, 1911. Т. 187. С. 133–208.
- Ivšić 1913 I–II — *Ivšić S.* Današnji posavski govor [I–II] // Rad JAZU. Zagreb, 1913. Т. № 196. С. 124–254 (1–131); Rad JAZU. Zagreb, 1913. Т. 197. С. 9–138 (132–261).
- Jagić 1891 — *Jagić V.* а) Светостефански хрисовуљ краља Уроша II. Милутина, [...] изнесла на свијет земаљска Влада за Босну и Херцеговину. У Бечу, 1890. 8°, VII + 47; б) Српска краљевска академија. Споменик IV. Светостефанска хрисовуља. У Београду, 1890. 4°, XII + 23 // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1891. Bd. XIII. S. 253–272.
- Karović 2008 — *Karović M.* Razvoj hrvatske akcentuacije // Filologija. Zagreb, 2008. Т. 51. С. 1–39.
- Karović 2015 — *Karović M.* Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.
- Ligorio 2016 — *Ligorio O.* Serbo-Croatian Accent Retraction. Its Course and Character in the Dialect of Dubrovnik. Докторска дисертација одбрањена у Лајдену. 2016.
- Miklosich 1865 — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. Scientia Verlag Aalen, 1963 [1862–1865].
- Nedeljković 1964 — *Nedeljković O.* Akcenti ili neume u Kijevskim listićima? // Slovo. Zagreb, 1964. Т. 14. С. 25–51.
- Peco 1971 — *Peco A.* Osnovi akcentologije srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1971.

- Radoičić 1996 — *Radoičić I.* Fonološki opis govora leposavičke okoline // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1996. Т. 27. С. 32–52.
- Remetić 1981 — *Remetić S.* Drenča (OLA 81) // Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšte-slovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. С. 570.

Viktor Savić

The sound value of diacritics in the Chrysobull of Saint Stephen (1317–1318)

The paper analyzes the diacritics in the Chrysobull of Saint Stephen and the Hilandar Scroll № 3, written out by the same scribe at about the same time (control material). Prosodial signs and an ephonetic mark — the *kremaste* (κρεμαστή), were used to record the pronounced values. It has been found that the use of the *kremaste* in the text reflected the real accent pronunciation: the long neoacute accent from old Serbian vernacular speeches. However, this mark also expressed other, approximate phonetic values, and not always lexical accents. It is therefore concluded that the *kremaste* remained a diction mark, as the main instrument of sound organization in texts. Generally speaking, the innovative prosodial and ephonetic notation system was applied in monastic charters; the same system was also employed in some liturgical gospels of the time. It may be assumed that the scribe who wrote out both charters originated from the northwestern part of today's central Serbia, which was under the control of Dragutin Nemanjić, the King of Srem (1282–1316), at the time when the documents were made.

Key-words: diacritics, prosodial notation, ephonetic notation, long neoaccute accent, history of the Serbian language